

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 Г. В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье предпринята попытка проанализировать основные аспекты восприятия Февраля и Октября 1917 г. в пространстве политической истории. Представители русского зарубежья смоделировали разные подходы к пониманию двух узловых событий 1917 г. Исторический дискурс, сформировавшийся в эмигрантской среде, включал в себя базовые политологические компоненты: партия, доктрина, политические институты, вожди и др., которые в работах исследователей с различными политическими взглядами приобретали различную конфигурацию.

Ключевые слова: Февраль, Октябрь, политическая история, революционный процесс, русская эмиграция, 1917 г.

Февраль и Октябрь 1917 г. – политические события, несущие в себе качественное своеобразие русской цивилизации. Эти два самых ярких события, ввиду их сложности и многообразия, были в центре внимания всех представителей русского зарубежья, независимо от их политических убеждений, которые воспринимали и соотносили между собой по-разному.

В концепции монархиста Н.А. Павлова, в феврале 1917 г. произошла революция, если понимать под ней не грандиозное событие, а обычный «захват власти». Соотнося «Февраль» и «Октябрь», автор приходит к выводу, что «никаких двух революций» в стране «не было», а была только одна – Февральская: «Родзянки, Гучковы и иные ее начнут – а Ленины, Троцкие, Свердловы и Юровские ее продолжат. Одни свергнут, арестуют, осудят; другие – убьют. Палачи – все»¹.

Для монархиста И.П. Якобия было очевидно, что Февральская революция явилась захватом власти. Исходя из задач переворота, автор утверждает, что революция, разразившаяся во время Первой

мировой войны в России, преследовала две цели: «Выбить Россию из числа воюющих государств и уничтожить ее как национальную державу»². Первую часть работы активно выполняло Временное правительство, в то время как за исполнение второй задачи взялись большевики. По этой причине И.П. Якобий хоть и разделял революционный процесс 1917 г. на два этапа, но между ними не видел «никакой принципиальной разницы, они следуют совершенно логически один за другим, и не даром столько деятелей Февральской революции легко и естественно перешли к большевикам»³.

Проблема Февраля 1917 г. была кратко рассмотрена В.А. Мякотинным. Согласно его мнению, при подготовке Февраля 1917 г., «многим и многим» казалось, что они устраивали переворот, который будет только «простым переходом к иным, более совершенным политическим и социальным формам, лишь началом новой, более светлой, свободной и культурной жизни»⁴. Однако, вопреки ожиданиям, Февраль 1917 г. оказался не переворотом, а революцией, приведшей страну к «жестокой и длительной разрухе... которой до сих пор не видно конца...»⁵.

Своеобразный взгляд на проблему содержания двух основных событий революционного процесса был представлен И.Л. Солоневичем. По мысли автора, в феврале 1917 г. произошел дворцовый переворот, явившийся результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории⁶. Этот «дворцовый заговор» начался в конце февраля с «бабьего хлебного бунта». Революция же, выросшая из заговора, разразилась позже, «в марте, апреле и т. д. ...двинулась вперед по путям углубления, с исключительной степенью точности повторяя ход Французской революции»⁷. В скором времени появился «законный наследник» Февраля – Октябрь, который явил собой «самый классический пример самой законченной революции в человеческой истории»⁸, так как «из всех революций», миру известных, «большевицкая охватила наибольшее пространство, продержалась дольше всех и зашла дальше всех, углубилась до самого дна»⁹, быстро сужая социальную базу.

В кадетской среде был свой взгляд на проблему соотношения Февраля и Октября, наиболее подробно сформулированный ее лидером. По мнению П.Н. Милюкова, Февраль 1917 г. являл собой плод порыва всей нации и всех политических групп – включая и консервативные – к освобождению от устаревшей политической формы, мешавшей объединить все силы нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага¹⁰. Поэтому русская революция, осуществленная в феврале 1917 г., была «бескровной», «разумной» и

«национальной». В свою очередь, Октябрь был интернациональным по характеру; он, став «сигналом» к длительной гражданской войне, разъединил нацию¹¹.

Различие между Февралем и Октябрем проводилось лидером партии кадетов и по целям, выдвинутым в них. Так, при постановке целей Февраля исходили из национальной задачи – спасти страну от поражения, в то время как цель Октября была явно утопической и недостижимой: «коммунизм в России и во всем мире». Кроме того, при сопоставлении Февраля и Октября 1917 г. Милюков отталкивается от мысли, согласно которой революционная стихия останавливается только тогда, когда окончательно уничтожит «все учреждения», все пережитки старой психологии, «не имеющие связи с прошлым» и не допускающие любые попытки «реставрации». Исходя из этого тезиса, Октябрь «не есть что-то новое и законченное», а является одним из этапов революционного процесса. Таким образом, Октябрьская революция «лишь продлила» общий вектор русской революции, непрерывно преобразующий Россию¹².

От позиции Милюкова отличался взгляд П.Я. Рысса. В изложении последнего Февраль 1917 г., вошедший в отечественную историю под названием революции, был переворотом, который начался с выступления женщин «из-за уменьшенного рациона хлеба» и закончился солдатским бунтом. Поэтому «в конце февраля – в начале марта» в стране не было революции; она явилась позднее, «когда стали перестраиваться политические и социальные отношения, когда на смену разрушенному начали производить попытки создания нового порядка вещей»¹³. Но и переворот, осуществленный в конце февраля, был по своему характеру не революцией, а грандиозным солдатским бунтом.

В общем ходе революционного процесса Октябрь 1917 г. стал обычным переворотом, устроенным большевиками. По мысли П.Я. Рысса, этот переворот с радостью был встречен всеми, кто ждал от него материальных для себя выгод, кто, устав от слов, ждал дел, кто хотел наконец установления нового порядка вещей, узаконенного какой-нибудь властью¹⁴. Так, «начатая с энтузиазмом» русская революция в октябре погибла «в трусости и бесславии», вследствие чего с октября открывается новый этап революционного процесса.

Практически не отличалась от предыдущего мнения позиция С.П. Мельгунова. В концепции историка Февраль 1917 г. начался с уличных беспорядков, постепенно переросших в военный бунт, а затем и в революцию. Историк полагал, что в феврале – марте 1917 г. в социально-политическом плане происходило «нечто», «го-

раздо более сложное», чем просто бунт. Это «нечто» можно определить как «революцию», поэтому она потребовала другой тактики и других методов управления страной. С этой точки зрения, в октябре произошло восстание большевиков, захвативших власть. Поэтому «Октябрь», по мнению Мельгунова, никак нельзя считать «реализацией “Февраля”», так как Октябрь был не революцией, а большевистской авантюрой.

Проблема соотношения Февраля и Октября была в центре внимания и более левых авторов. Так, по мнению М.В. Вишняка, Февраль 1917 г. явил собой рефлекторный ответ народа страны на требования военного времени. С этих позиций Февральскую революцию осуществляла нация, в то время как «Октябрь опирался по преимуществу на “шкурнические” инстинкты, исходил не из сплочения, а из разделения, из партийной и классовой диктатуры и гражданской войны, а не из гражданского мира и народоуправства, из идеи не национальной, а мировой революции, делавшей из России простой “плацдарм” и “детонатор” европейских революций...»¹⁵. Поэтому, Октябрь 1917 г. был революцией, но «штабной» по характеру, целям и движущим силам, а не подлинной (национальной), каким был только Февраль.

Февральская революция подвела черту под «роковым противопоставлением власти и народа», так как в тот короткий миг власть и народ стали единым целым: «народ стал властным, власть стала народной»¹⁶. «Новая власть», рожденная Февралем, была «бессильной и непрочной» «в руках народа-победителя». Тем не менее в Феврале 1917 г. нация была творцом, но это «творчество» оказалось недолгим. При большевиках, так же как и при самодержавии, народ «был творим». В этом и заключалась основная разница между Февралем и Октябрем¹⁷.

Развернутая характеристика событий февраля и октября в русском зарубежье была дана А.Ф. Керенским. По мнению автора, исторический смысл Февраля 1917 г. заключался в том, что он не только был актом политического раскрепощения страны, но и являл собой социальную революцию, которая отдала первенство в государстве трудовым классам. Февраль, разрушая прежнюю социальную структуру и старую государственность, был пронизан «волею к свободе», поэтому революция дала народу не только волю, но и землю.

Тем не менее «после великих взлетов», реализовавшихся в Феврале, «бывают и великие падения», каким явился Октябрь, который сумел отнять у народа дарованную февральской революцией свободу, а позднее «экспроприировал у крестьянства землю,

ограбил его и создал новое, чиновничье крепостное право»¹⁸. Ленин, захватив власть в стране, сразу же «приступил к вооруженному грабежу, в порядке продотрядов, деревни и довел Россию до голода с людоедством...»¹⁹. Рассматривая Россию как трамплин «для прыжка в жуткую неизвестность мировой социальной революции», вождь партии большевиков повел свой Октябрь. Таким образом, А.Ф. Керенский делает вывод, что Октябрь явился не началом новой эпохи, каким был Февраль, а только этапом в развитии революционного процесса, который еще не закончен, ибо не осуществлен еще «февраль заданный»²⁰.

Свой взгляд на проблему соотношения Февраля и Октября 1917 г. был высказан в среде социалистов-революционеров. По мнению В. Чернова, Октябрьской революции в России не было, а был лишь октябрьский переворот, явившийся подлинной контрреволюцией. Этот тезис автор подкреплял рядом примеров. Так, в аграрном вопросе перед Февральской революцией стояла определенная задача: «заменить помещичье хозяйство трудовым на началах, способствующих повышению производительности земли, росту национального богатства»²¹. С самого начала Февраля крестьянин «принялся выкуривать помещика из деревни», постепенно «расширяя свои права» на землю, а роль земельных комитетов сводилась к безболезненной замене «барина» «мужиком». В этой связи октябрьский переворот явился «срывом земельной реформы», так как «был шагом назад от продуманной социализации земли к примитивному черному переделу»²². Кроме того, Октябрь разжигал стихию и усиливал разруху в отличие от Февраля, открывшего дорогу творческим силам страны. Таким образом, делает вывод Чернов, большевизм, воплотившийся в Октябре, был не прогрессом, а политическим и хозяйственным регрессом; не революционной, а контрреволюционной силой.

Проблема соотношения Февраля и Октября в общем ходе развития революционного процесса занимала умы анархистов. Так, по мнению В.М. Волина, Февраль 1917 г. – это была революция, уничтожившая в России самодержавие. Начавшись в феврале 1917 г., революция, быстро преодолев этапы буржуазно-политической революции – демократический и умеренно-социалистический, – переросла в октябре того же года в социальную²³. Однако Ленин, придя к власти, затормозил революционный процесс и не стал его углублять. Эта позиция исходила из понимания анархистами модели социальной революции. Согласно их убеждениям, в стихийный подъем, вызванный революцией, следует «внести организационный принцип», но такой, который должен был бы исходить из

общества «свободно», а главное, «снизу». Таким образом, организация не должна навязываться социуму из центра, а органично создаваться в самом обществе. Большевики же, сформировав «элиту», начали проводить в жизнь свои идеи, диктуя населению свою волю. Став диктаторами, партия большевиков установила свой жесткий контроль над обществом, тем самым исказив и остановив революционный процесс.

Подводя итоги, следует признать, что в зависимости от социально-политических воззрений авторов менялось отношение тех или иных представителей русского зарубежья к Февралю и Октябрю. Так, для монархистов было естественным отрицательное отношение к Февралю, в то время как кадеты, эсеры и трудовики приветствовали произошедшие события конца февраля – начала марта 1917 г. и осуждали Октябрь. Анархисты, принимая Февраль и Октябрь, вскоре разочаровались в последнем. Если брать за основу политические пристрастия авторов и с этих позиций рассматривать два главных события революционного процесса, то можно сделать вывод о том, что, чем «левее» был автор, тем позднее наступил у него момент отторжения политических событий 1917 г.

Анализ восприятия Февраля и Октября у представителей различных политических сил позволяет сделать выводы относительно ключевых проблем дискурса, а именно: неоднозначность хронологических рамок, проблема терминологии, оправданность революции и т. д. Общность подходов заключалась в том, что Февраль и Октябрь 1917 г. воспринимались в тройном измерении, что значительно расширило трактовку и понимание двух главных событий революционного процесса.

С одной стороны, события Февраля и Октября, с точки зрения событийного подхода, осознавались представителями русской эмиграции как обычный захват власти определенной группой людей: некоторые монархисты – Павлов, Якобий, Солоневич и др. – воспринимали Февраль именно так. В левой части русского зарубежья такой взгляд господствовал лишь по отношению к Октябрю. Например, Рысс, Мельгунов, Чернов и отчасти Вишняк не хотели признавать за событиями Октября 1917 г. характер революции, а относили их к разряду переворота, захвата власти. Более того, некоторые авторы, например С.С. Ольденбург, повествуя о Феврале в работе «Царствование императора Николая II»²⁴, и С.П. Мельгунов, рассматривая события Октября в труде «Как большевики захватили власть»²⁵, намеренно не классифицировали эти явления как революцию, а использовали для их характеристики понятия

«захват», «переворот», «восстание» и т. д. Если рассматривать Февраль и Октябрь с этой позиции, то здесь большую роль в революционном процессе играли политические партии и их вожди, подготавливавшие и осуществлявшие государственный переворот и захват власти как в феврале, так и в октябре 1917 г.

С другой стороны, Февраль и Октябрь 1917 г. воспринимались русским зарубежьем (независимо от их принадлежности к политическому течению) как реализация определенных программ и доктрин, воплотившихся в тактике управления страной и модели поведения руководителей революционного процесса. Подобного рода версии можно встретить в работах Рысса, Керенского, Чернова, Волина и др. Такой взгляд значительно расширил хронологические рамки исторических событий: Февраль «разомкнулся» до Октября, а то и вовсе поглотил последний (например, позиция Н.А. Павлова и В.А. Мякотина), в то время как Октябрь расширился до 20-х, а у некоторых и до 30-х годов XX столетия. В этом случае пальма первенства при описании революционного процесса была отдана деятельности представителей, входивших в различные политические институты власти, такие как Государственная дума, Временное правительство, Советы и др.

И, наконец, с третьей стороны, два главных события революционного процесса оценивались по конечному результату. Проведение соотношения по данному параметру было характерно практически для всех персон русской эмиграции, что способствовало размыванию границ между Февралем и Октябрем (показательным примером могут служить работы монархистов). На этом этапе особо подчеркивалась утопичность политических замыслов, которые нашли свое отражение и воплощение как в партийных программах и лозунгах, так и в активной деятельности основных участников, допустивших в стране две революции. Исходя из этого, авторы утверждали, что в стране действительно произошло качественно новое явление, которое было определено современниками как революция, не обязательно начавшаяся непосредственно в феврале 1917 г. и в октябре 1917 г. закончившаяся.

Таким образом, при конструировании и интерпретации двух крупных политических событий 1917 г. представители русской эмиграции в разной степени опирались на различные политологические компоненты: партии, политические институты, доктрины, вожди и т. д., доля которых в их работах различна. Этот факт зависел не столько от политических пристрастий авторов, сколько от способов восприятия исторических процессов русским зарубежьем.

-
- ¹ Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Р.: Imprimerie D'Art Voltaire, 1927. С. 152.
 - ² Якобий И.П. Император Николай II и революция. [Б. м.], 1938. С. 242–243.
 - ³ Там же. С. 243.
 - ⁴ Мякотин В.А. На распутье // На чужой стороне. Берлин, 1923. Сб. 1. С. 195.
 - ⁵ Там же.
 - ⁶ Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля // Россия и революция. М.: ФондИВ, 2007. С. 324.
 - ⁷ Там же. С. 351.
 - ⁸ Солоневич И.Л. Большевицкие ступеньки // Загадка и разгадка России. М.: ФондИВ, 2008. С. 25.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ См.: Милуков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 39.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² Там же. С. 41.
 - ¹³ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж: Север, 1921. С. 55.
 - ¹⁴ Там же. С. 154.
 - ¹⁵ Вишняк М.В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные записки, 1931. С. 258.
 - ¹⁶ Там же. С. 246.
 - ¹⁷ Там же. С. 248.
 - ¹⁸ Керенский А.Ф. От Октября к Февралю: Доклад, прочитанный А.Ф. Керенским на вечере «Современных записок» 20 марта 1937 года // Новая Россия. 1937. № 24. С. 9.
 - ¹⁹ Там же. С. 10.
 - ²⁰ См.: Керенский А.Ф. Голос издалека: Двадцатая годовщина // Новая Россия. 1937. № 23. С. 2.
 - ²¹ Чернов В. Революция или контрреволюция: К третьей годовщине октябрьского переворота // Революционная Россия. 1920. № 1. Прил. С. 4.
 - ²² Там же.
 - ²³ См.: Волин В.М. Неизвестная революция: 1917–1921 / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой. М.: НПЦ Праксис, 2005. С. 105.
 - ²⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991.
 - ²⁵ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть // Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть: «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2005.